

ИМЯ НА АФШНЕ И ЛНО ТЕАТРА

СОВЕСТНО говоря, яичего особенного не произошло. Стукила почему-то, в который уже раз, дверь в кабинете главного режиссера, и вслед за этим наступила непривычная и потому пугающая тишина. Вскоре стало известно, что главный режиссер вышел из кабинета и, когда будет, не акада. Еще позже выяснялось, что он вообще больше не будет и уже подписывает афишу другого театра. Тогда в кабинете сделали генеральную уборку, сожгли сотню непрочитанных главных режиссером «самотенных» пьес и оборудовали в нем фотолaborаторию. Теперь, кстати говоря, попробуете выселить ее оттуда!

Главного режиссера перевели в другой театр. Вместо него назначили другого главного режиссера, но такого широкое кабинета, как предыдущему, ему уже не отвели. И отнюдь не, соответственно, было к нему совсем другое. Нового главного режиссера уважали только в его присутствии; о том, как он релетрует, сочиняли смешные истории, служившие поводом для праздничных календариков. Главным режиссер делал вид, что не знает этого, и из всех сил создавал большие полотна, которые на деле оказывались поманями очень средними. И все актеры, все зрители, все, кроме него самого, понимали, что долго так продолжаться не может.

И снова стукнула дверь, и снова в театре стало известно, что главный режиссер вышел и больше не вернется. И как только он вышел, сразу же пошла разговоры о том, что он был хорошим человеком, что ему «не содаили условия» и что «при таком отношении к уютно провалится». Но теперь эти рассуждения представляли яство теоретического интереса, тем более что вскоре на афише театра аршинными буквами было обаворождено имя самого нового главного режиссера.

При наличии доброй воли с размером букв еще можно было бы примириться, тем более что главный режиссер довольно быстро приступил к работе. К этому обстоятельству нужно отнестись с особым вниманием, потому что, как выяснилось впоследствии, далеко не все вновь назначенные режиссеры привыкли сразу же приступить к делу. Встречались и такие, которые не прочь были призадуматься месяца на девять-десять и уж только после этого решались на что-либо определенное. Как бы там ни было, главный режиссер от работы не уклонялся, и, что особенно важно отметить, отнюдь не лишен был таланта. А ведь злые языки утверждают, что талант главному режиссеру — не помеха. Кто знает, может быть, это и верно. Только и в данном случае развязка оказалась печальнее, чем можно было надеяться, и притом по самой неожиданной причине.

Дело в том, что главный режиссер был молод и весьма ревниво относился к людям, которые в смысле возраста преуспели больше, чем он. Надо отдать должное его мужеству, он не выражал своего неудовольствия открыто, но все же давал понять актерам, промаршировавшим по нашей планете более срока лет, что их преклонные годы могут оказаться неподходящим фоном для его режиссерской индивидуальности.

— У молодости, — говорил он, при этом смущенно опуская глаза, — есть свои права, а ведь я так молод, так молод!

Не знаю, что именно произошло в промежутке между этой исторической фразой главного режиссера и той роковой минутой, когда опять злобнее стукнула дверь театра и только легкая пыль поднялась над тротуаром, по которому прошагал молодой человек, упорно не желавший видеть вокруг никого старше себя. Знаю только другое — есть в сегодня в нашем городе театр, все режиссеры которого — не главные, а многие, к тому же, еще и нездешние. Место на афише, на котором должно быть имя главного режиссера, пустует, и точно так же пу-

стует место, которое должен занимать главный режиссер в жизни театральной коллектива и в жизни каждого из его актеров.

НО ЧИТАТЕЛЬ уже давно догадался, что не было и не могло быть в действительности главных режиссеров, которые были бы хоть чуточку похожи на тех, о которых я здесь рассказывал. Конечно же, все это фантазия, воляная поэтическая фантазия человека, который привык над вымыслом слезами обливаться. И только в одном вопросе читателя могут одолеть законные сомнения. Если все это придумано, то, видимо, правду оно и то, что есть в нашем городе театр, в котором вот уже сколько времени нет главного режиссера, и никто не считает, что происходит нечто противоестественное, никому не приходит в голову, что сложный, требовательный и хрупкий театральный организм действует только по инерции, только потому, что не действует ему нельзя. Ибо если признать (а не признать это трудно), что сама должность главного режиссера не выдуманная, не фиктивная, а учрежденная, так сказать, в силу практической необходимости, то придется также согласиться и с тем, что театр, работающий без главного режиссера или, способного по своей квалификации, опыту и таланту ответственно исполнять его обязанности, находится в чрезвычайных обстоятельствах. Будем последовательны и скажем прямо — именно в таких чрезвычайных обстоятельствах длительное время находится Театр имени Ленинского комсомола, театр, творческая судьба которого дорога всем нам потому, хотя бы, что с недавних порочим его связано не одно важное и выдающееся событие в творческой биографии театрального Ленинграда.

Я не стану напоминать сейчас об этих событиях и подробно характеризовать их. Скажу только, что в прошлом этот актерский коллектив не раз доказывал, что умеет решать сложные художественные задачи самого различного характера. От прославленного товоноговского спектакля «Дорогой бессмертный» до отлично поставленной А. Шатриным пьесы Эдуардо де Филиппо «Никто», от вдумчивой работы И. Ольшангера над «Униженными и оскорбленными» до такого сложного и ответственного спектакля, как «Поднятая целина» в постановке А. Пергамента, протянулось дорожка, по которой идет театр в течение последнего десятилетия. Были на пройденном пути работы, заставлявшие о себе много в горячо говорить, задевавшие, что называется, за живое, но были и такие, что разочаровывали и огорчали, я не только сама по себе, но и потому, что свидетельствовали об отсутствии у театра твердо обозначенных творческих целей, реального творческого плана.

Если оглянуться сегодня на сделанное театром, можно сразу же прийти к общему, имеющему принципиальное значение выводу: «Во всех случаях, когда коллектив театра направлялся ясной и целеустремленной художественной волей, он обнаруживал свои внутренние силы и действительные возможности. Как только из театра, из его повседневной жизни эта воля уходила, творческая атмосфера в театре гасла, обнаруживались не сильные, а слабые стороны актеров, сами спектакли, значившиеся на афише, как бы теряли ту внутреннюю связь и внутреннюю последовательность, которую должны иметь спектакли театра, работающего в твердо и отчетливо избранном творческом направлении».

Лучшим подтверждением этому могут служить последние работы театра в сочетании друг с другом. Мне кажется, что критика недооценила и, во всяком случае, односторонне оценила работу театра над «Горькой судьбиной» А. Писемского. Пьеса эта, действительно непригодная для обвинения крепостничества, дает все же в

руки советскому художнику непроверяемые «естественные доказательства» нравственных преступлений собственного, злого, жестокого мира.

Сейчас не время и не место говорить об этом спектакле подробно, но я уверен, что в ряду продуманных, органических связанных один с другим спектаклей театра «Горькая судьбина», трудный и смелый истолковательский опыт режиссера, заняла бы свое место. Но какое место может занять эта работа, которой предшествовали прословутые «Свинные хвосты» и за которой последовали очень уж претенциозно переименованные «Три толстяка»? Какое место может занять этот спектакль в судьбе актеров, отлично сыгравших в «Горькой судьбине» свои роли (П. Усовиченко, П. Лобанов, М. Розанов), если роли эти не преподлагают никакого продолжения и развития в их творческой биографии? Скажем «Горькой судьбиной» какую-то долю правды о прошлом прошлом Аняны в Ливады Яковлевых, думал ли театр досказать эту правду в будущих своих спектаклях?

Ответить на все эти вопросы фактически некому, ибо отвечать на них должен, прежде всего, главный режиссер. Это его долг — выбирать пьесу, думать о том, какое место она займет на афише, что за ней последует и что ею откроется.

Театр имени Ленинского комсомола переживает сегодня не легкие дни, и было бы большой ошибкой считать это положение в какой бы то ни было степени естественным. Театр не может в одном для жить нормально без главного режиссера, без объединяющей его коллектива единой художественной воли, без творческого плана, подкрепленного в опирающегося творческой индивидуальностью руководителя. Имя главного режиссера нельзя сделать заметным на афише при помощи соответствующего шрифта. Имя это должно, в конечном счете, дать театру лицо, определить его направление поиски, сплотить и усилить его силы.

С. ПИМБАЛ